

Кругозор

7
1965

БОРЬБА. Гравюра С. Красаускаса

Ян СУДРАБКАЛН

Вот человек, одинокий в толпе,
Спрашивает сам себя, спорит с самим
собою:

«Что я могу!
Я люблю гиацинты... Радуюсь бою
старых часов.

Как хорошо, что они
Вдруг пробили верное время!
Маленькие радости звенят в моих ушах.
Маленькие радости, как матовые бусы,
Звенят-перезванивают,
Звенят-перезванивают...
Маленькие радости — они не сделают
меня маленьким!

Шахтеры, сталевары, ткачихи
Обступают меня со всех сторон.
Это меня, человека, обступают люди —
Из космоса возвращаются космонавты:

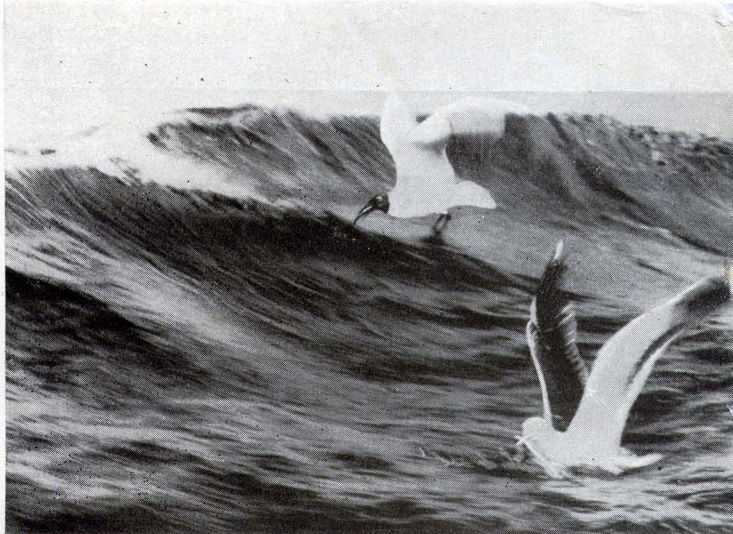
Это ко мне, человеку, возвращаются
люди!»

И человек с маленькими радостями
Бродит мыслями по огромной Вселенной.
А маленькие радости звенят в его ушах
Все тише и глуше,
Все тише и глуше.
В городках, городах и столицах
Ходит человек. Он любит гиацинты,
И радуется бою старых часов,
И варит сталь, и добывает уголь,
И улетает к звездам — и это ему
по плечу.

Какой ты сильный, человек,
Идущий где-то среди толпы,
Думающий о добре
И творящий добро!

Перевод с латышского
Е. Храмова.

БЕЛЫЙ ПАРУС ПРИБАЛТИКИ

Вал. ЕЛАГИН

Сейчас, когда, закрыв глаза, я снова попадаю в Прибалтику, словно сотни озвученных фотоснимков проходят передо мной.

ТИХИЙ ДВОР ВИЛЬНЮСКОГО УНИВЕРСИТЕТА, самого старого университета в нашей стране (387 лет ему). Двор университета и маленький бассейн посреди него — кусочек неба, брошенный под ноги. Здесь учился Мицкевич — ведь это

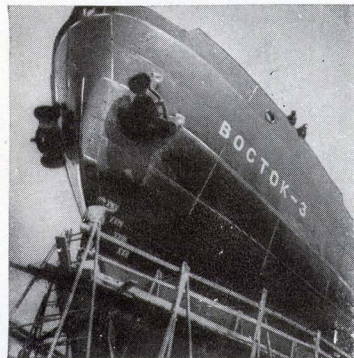
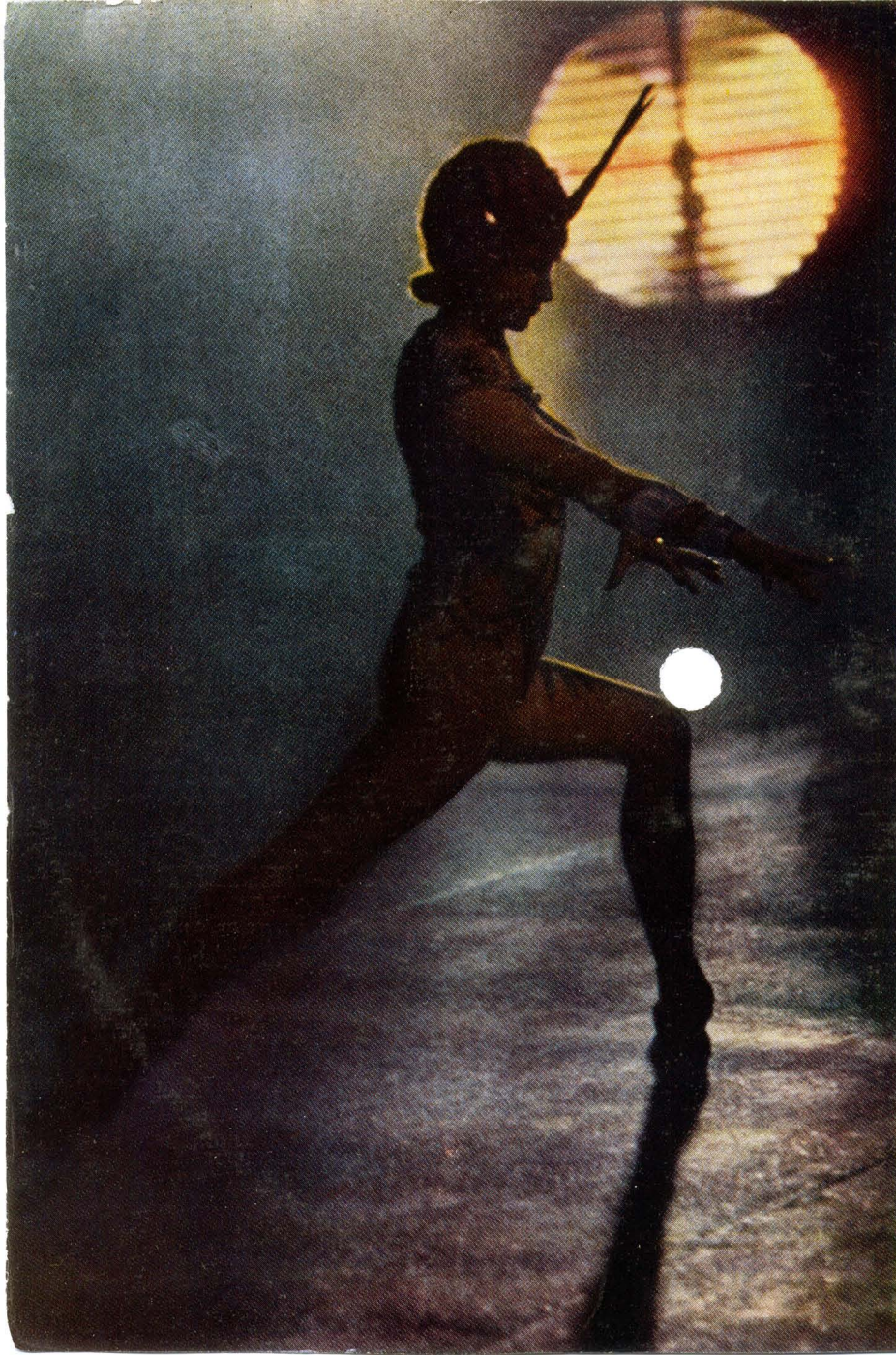

Фото Ф. Израельсона,
Л. Лазарева,
И. Фишера

же двор юристов, и память подсказывает:

Вон там юристы сели.
И им бокал поставь:
Сегодня — право силы,
А завтра — сила прав.

...КОРПУС КОРАБЛЯ, КОТОРЫЙ НАЗЫВАЕТСЯ «ВОСТОК-3». В доне Рижского судоремонтного завода корабль виден весь — от киля до верхушек мачт. Я читаю отметки на его корпусе, которые через несколько дней, когда он уйдет в пла-

вание, будут перечитывать только пучеглазые рыбы. И лицо Петерса Греввердса появляется передо мной. Он красит бока морского великана, восемнадцатилетний парень из бригады Григорьева.

Наклонный морской горизонт затягивается туманом. Десятки рыболовных судов покачиваются на волне. И легкий туман — может быть, это дыхание рыбаков? Рация в капитанской рубке надрыдается хриплыми голосами по-русски, по-эстонски: «Кала он?» — «Рыба есть?», «Как рыба стоит?» И рация злится: «Слушай, ни черта здесь нет, я иду к Усть-Нарве!» А потом я вижу, как на миллиметровке эхолота возникают черные размытые черточки. Это рыба. И появляются зойдвестки и сапоги — начинается работа. Трал уходит в воду, зеленеет, намокая, белая напроновая сеть. В немой глубине свершается тихое, неотвратимое дело: трал берет рыбу. Чайки слетаются на скрип лебедки.

ПРИБАЛТИКА, ПРИБАЛТИКА — белый парус на темно-зеленой волне. Сначала непонятные вывески, непонятная речь на улицах. Но работает в сельпо под латвийским городком Кулдигой возчик Готфрид Абс. Он садится на облучок, берет в руки вожжи, покринивает по-латышски на лошадь. Дома у него фотография, и на ней рядом с Лениным виден сам Готфрид Абс, только моложе он на сорок с лишним лет, форма на нем латышских стрелков — первых гвардейцев Советской власти. И председательствует в колхозе имени Кирова Оскар Кууль, награжденный и за войну и за труды. И надписи по-литовски и по-русски на обелисках говорят о павших за нашу Советскую Родину.

Я ездил по трем республикам без фотоаппарата — память запечатлевает время не хуже. Но кто не был там, взгляните на фотографии — это люди Прибалтики: «Ритсинад» — вокальный ансамбль из 46-й таллинской школы, латвийский дирижер Арвид Янсонс, танцовщица в балете «Эгле — королева ужей», рабочий П. Греввердс.

Юстинас МАРЦИНКЯВИЧУС

Скульптору Г. Йокубонису

В ночь, что звездами пылит устало,
В ночь, что путнику не даст дремать,
Оживая, сходит с пьедестала
Горестная каменная Мать.
Горстку пепла подняла, сутулясь,
Прижимает к сердцу и бормочет:
— Спи, усни, родимый, люли-люли,
Это не орудья — гром грохочет.
Ходит, ходит Мать по Хиросиме.
Тень ее мелькает в Освенциме,
И над пеплом в Бухенвальде Мать
Продолжает песню напевать:
— А-а, расстрелянные, встаньте!..
— Жаживо закопанные, гляньте!..
— Вы проснитесь, ставшие золою!..
— Быть восходу солнца над землею!..
В Бухенвальде слышен звон набата,
Журавли в Пирчюписе скрипят.
И встает, встает, встает расплата
За смертельный, за кромешный ад.

Все, все, все — за счастье жизни новой.
Всем, всем, всем — свой труд оборонять.

Мать пришла в деревню, и сурово
Пепел в кулаке сжимает Мать.

Перевод с литовского Льва Озерова.

Ли СЕППЕЛЬ

Лес выкупался в утренней прохладе,
взъерошил пряди влажной шевелюры.
По чистым папоротникам стекает
рассветного тумана молоко.
Тогда большие простыни приносит
проснувшееся солнце в резвых пальцах
и теплою воздушной бахромою
высушивает щеки, плечи, губы.
Лишь на босых ногах еще дрожит,
еще сверкает мир прозрачных капель.
Я вслушиваюсь в тишину рассвета,
и в тишине, как травы,
проступают
почти неуловимые слова.

Перевод с эстонского Р. Винонена.

ЕГО ОРУЖИЕМ

Здание германского парламента — рейхстага — вспыхнуло, подожженное штурмовиками Геринга в феврале 1933 года. Поджог был провокацией, знаменовавшей приход к власти фашистской банды. Ее главари рассчитывали, обвинив в поджоге рейхстага коммунистов, учинить расправу над прогрессивными силами страны.

Перед судом в Лейпциге предстал видный деятель международного коммунистического движения Георгий Димитров. Установив в зале суда аппаратуру, провокаторы надеялись получить документ, подтверждающий их победу.

На третьей звуковой странице журнала — документальная запись 1933 года: поединок Георгия Димитрова с главным «свидетелем обвинения» Герингом. Запись комментирует и переводит Рашель Мансфельд, дочь берлинского актера, в семье которого перед арестом жил Г. М. Димитров.

ГЕОРГИЙ ДИМИТРОВ ОБВИНЯЕТ

Димитров был арестован в Берлине 9 марта 1933 года. Позднее он рассказывал:

«Мы были арестованы в самый разгар национал-социалистической кампании против рабочих и против коммунистического движения. Тюрьма берлинского полиции-президиума была полна политических арестованных — коммунистов и рабочих-активистов. С 9 по 28 марта 1933 г. я слышал по ночам в продолжение нескольких часов ужасную ругань, удары дубинок, душераздирающие крики жертв, доносящиеся из коридоров и со двора. Два раза, когда меня приводили к врачу, я ви-

дел целые очереди заключенных в окровавленной одежде, с повязками на головах, на руках, с выбитыми глазами, с зияющими ранами...

...Меня поместили в камеру, предназначенную для самых тяжких преступников, с тройными решетками на окнах, с тройными запорами на дверях, с цементным полом. У меня отняли мое платье и одели в полосатый костюм осужденного. 3 апреля началось судебное следствие. Тогда же на меня надели ручные кандалы...

Начинается Лейпцигский процесс, который фашистская печать объявляет процессом против коммунизма. Первая речь Георгия Димитрова:

«...Совершенно правильно, что я за пролетарскую революцию и за диктатуру пролетариата. Я глубоко убежден, что в этом спасение, единственный выход из экономического кризиса и военной катастрофы капитализма».

Газеты пишут: «Проходит два дня, а на третий процесс с оглушительным треском сходит с

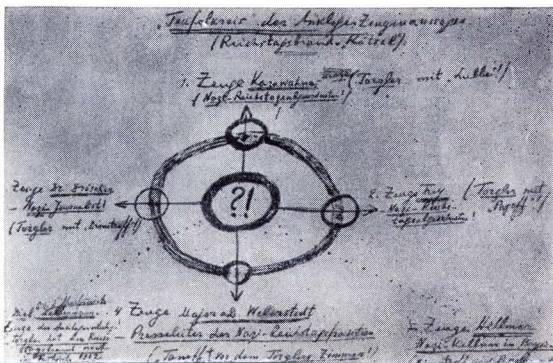

Рисунок Димитрова, названный им «Чертов круг». Сопоставляя показания фашистских лже-свидетелей, Димитров доказал, что поджог рейхстага — дело рук штурмовиков. Круг замкнулся!

БЫЛА ПРАВДА

рельс... Димитров обвиняет суд и фашистские власти.

Димитров обращается к суду:

«Я защищаю себя самого как обвиняемый коммунист... Я защищаю свои идеи, свои коммунистические убеждения. Я защищаю смысл и содержание своей жизни».

Георгий Димитров задает вопросы свидетелям, система клеветы рушится. Перед глазами людей предстают истинные виновники пожара в рейхстаге — штурмовики.

Из стенограммы процесса:

Председатель (Димитрову). Я лишаю вас слова.

Димитров. У меня есть еще вопрос, относящийся к делу.

Председатель. Я лишаю вас слова.

Геринг. Вон, подлец!

Председатель (обращаясь к полицейским, указывая на Димитрова). Выведите его!

Димитров (которого выводят из зала). Вы боитесь моих вопросов, господин премьер-министр?

Имперский суд вынужден оправдать коммуниста. В официальном приговоре сказано: «За недостатком улики». Зато улики против Геринга более чем достаточно. «Дейли телеграф» 5 ноября 1933 года пишет: «Процесс дал непоправимую трещину. Теперь мы по крайней мере знаем, в чем дело».

А. КОРЕНЬКОВ

Главный поджигатель рейхстага, фашистский премьер-министр Геринг, явившись в суд, чувствовал себя хозяином. Но вопросы Георгия Димитрова заставили его потерять уверенность.

«В романе Михаила Шолохова «Тихий Дон» я прочел три строчки из старой украинской песни «Колода дуда». Не найдя продолжения этих стихов, добавил несколько своих строк и сочинил музыку. После того как песня была записана на граммпластинку, я забыл о ее существовании. Но песня — как ребенок. Она имеет свою судьбу. Появившись на белый свет, начинает жить самостоятельной жизнью и нередко удивляет своих родителей». Это признание принадлежит известному американскому певцу, поэту и композитору Питу Сигеру.

Однажды я стал свидетелем того, как его пес-

А парни? Парни ушли на войну...

«Войны не должно быть!» — так отвечает Марлен на вопрос, что для нее является главным. «Сколько жизней ушло, чтоб не было

ГДЕ ЭТИ ЦВЕТЫ?

ня взволновала, поразила огромный зал. В курортном городе Баден-Бадене телевидение проводило эстрадный фестиваль. Конвейер развлечения остановился, лишь когда объявили, что сверх программы выступит Марлен Дитрих.

Она спела только одну песню. И публика сразу же спустилась с седьмого неба «голубых переживаний» на землю. Ведь то, о чем пела Марлен, хотят забыть и не могут. Не должны.

Куда исчезли все цветы с полей? Их сорвали девушки, чтобы сделать себе венки. Куда делись эти девушки? Они вышли замуж за своих парней.

войн...» — рассказывает Дитрих в песне «Спроси у ветра».

Марлен Дитрих много лет была в добровольном изгнании. Она покинула Германию, потому что не пожелала петь для нацистов. Ей предлагали огромные гонорары, право выбирать сценаристов. Но актриса твердо заявила: она никогда не будет иметь ничего общего с фашистами. Во время войны она воевала против них на фронте.

«Цветами минувших дней» артистка заканчивает все свои концерты.

Верность песне? Нет, верность идеалам.

Г. ШНЕЕРСОН

Фото А. Лидова

ПЕСНЯ — МОЯ ПРОФЕССИЯ

ТРИ ОТВЕТА ЭЛЬМИРЫ УРАЗБАЕВОЙ

СКОЛЬКО ЖИВЕТ ПЕСНЯ!

Существует периодическая печать. Многотысячным тиражом выпускаются газеты, журналы. Жизнь их несравненно короче жизни больших литературных произведений, а роль огромна. А песня? Ее жизнь, как правило, короче века больших музыкальных произведений. Но, по моему, она так же необходима людям, как и газетная страница. Тут и песня-плакат, и песня-новелла, и

песня, которая несет радость, улыбку, хорошее настроение.

Важно одно: песня должна быть талантливо написана.

СТАРИННЫЙ НАПЕВ И СОВРЕМЕННЫЙ РИТМ!

«Осовременивание» народной песни с тем чувством меры, при котором она не теряет национальной прелести, но приобретает но-

вый, современный ритм, мне кажется возможным. Быть может, это субъективно, так как я исполняю эстрадные мелодии народов мира. Но думаю, такое новое прочтение народного напева украсит и продолжит его жизнь. Единственное «но» — как это сделано...

ИСТОЧНИК ВДОХНОВЕНИЯ!

Об этом хочется сказать стихами, которые я назвала «Разговор с памятником Алишеру Навои».

Ну, ответь мне, вечный Алишер,
Ты, постигший истину вещей,
Ну, скажи мне, мудрый Навои,
Мир познавший в блеске

и в крови,
Правда, что бессмертный твой
Фархад
По земле и крови был мой брат?
Подо мной земля кругла, как

грудь,
Сколько силы я должна глотнуть,
Сколько веры я должна испытать,
Чтобы свой народ, как он, любить?
И ответил каменный поэт:
«Мой Фархад бессмертен сотни

лет.
Сколько нужно сил любить народ?
Я не знаю, я не вел им счет.
Сколько веры нужно людям дать?
Все до капли, как младенцу мать.
Все — любовь! Она — земная ось!
От нее вращенье началось,
От нее к ручью бежит ручей,
От нее свечение лучей...
Все — любовью! Рождение и конец,
Верность недождавшихся сердец,
Ласка перепутанных речей,
Сказка перепуганных ночей,
Гостю — хлеб и чай в твоём доме,
Преданность — народу своему.
Если хочешь жить, как жил

Фархад,
Людям за любовь плати стократ.
Только тот воистину велик,
Кто народу подарил родник».
Я ушла, оставив этот сад,
Где со мной, как сотни лет назад,
Говорил Великий Навои,
Смерть поправший силою любви.

На шестой звуковой странице
журнала выступают Сибирский и
Омский русские народные хоры.

На снимке: Сибирские горизон-
ты. Фото Дм. Бальтерманца

Не помню уже, как долго ковырялся я в земле древнего городища. Мне хотелось найти ручку от амфоры с клеймом гончара. Множество таких ручек я видел в похожем на сарай хранилище керченского музея. Мелкими, широкими, угловатыми буквами на обожженной глине были написаны непонятные, но, как тут же оказывалось, очень простые слова: имя гончара и название города.

К тому времени я успел побывать на местах, где некогда были Мирмекий, Пантинкапей, Херсонес, «Прекрасная Гавань» и другие славные города. Не раз слушал я споры о таврах, антах, скифах, листригонах, генуэзцах и венецианцах, готах, о происхождении караимов (действительно ли они потомки хазаров?) и уже отсмеялся свое, читая в караимских книгах серьезные исследования о том, на сколько носы караимских женщин длиннее или короче носов евреев.

Я даже осмеливался высказать свою собственную точку зрения на то, где именно в Крыму оказалась Ифигения после того, как ее папа Агамемнон так неудачно пытался принести дочку в жертву богам. Конечно же, это место — Партеит!

Одним словом, я вполне созрел для желания иметь ручку амфоры с клеймом древнего гончара. Украсть ее в музее (и значит, обеднить лучшую в стране коллекцию) я не решился. Оставалось добыть самому. И вот я оказался на древнем городище.

Судя по всему, наши предшественники на этих берегах не брезговали радостями жизни — любили выпить и закусить. На исковерканной окопками земле (во время минувшей войны здесь шли жестокие бои) повсюду валялись обломки амфор. Они торчали в темно-бурую, уже покрывшейся зеленью земле, как кусочки моркови в винегрете.

Я рылся долго. Ручки попадались. Много. Но такой, как мне нужно, с клеймом, я не находил. Я наткнулся на гнездо с крохотными яичками, на два или три охваченных работой муравейника, нашел человечесью берцовую кость. Кость была легка и ломка, будто долго пробывший в воде и затем высохший на жарком берегу кусочек дерева.

Кто знает, сколько я просидел над черепком с тоненькой, будто проколотой шилом дырочкой. Откуда эта аккуратная дырочка? Ее пробила сама жизнь — нежная и беззащитная былинка, неудержимо рвущаяся из семени к солнцу. Светло-зеленый стрелчатый лист молодой травы оказался тем копьём, которое пронзает насквозь даже камни. Чудо!

Ручки с клеймом я так и не нашел. А ведь она там была. Обязательно была. Она просто меня не дождалась. Городище некогда было огромно, его съело постоянно подымающее высокий, обрывистый берег море. Берег и сейчас сыпался, рушился. Я не решился подойти к его ненадежному краю. Как я жалею об этом сейчас! Может быть, в ту минуту на этом краю еще лежал пламенеющий черепок с автографом, с адресованным мне из тьмы веков приветом неизвестного мастера. Мастер так и остался не известным ни мне, ни кому-либо другому. До сих пор жалею, что не решился подойти к краю обрыва.

ПОИСК И НАХОДКИ

Рассказ

...Выступ мыса был подчеркнут на суше полуистершейся ломаной линией окопов. Эти окопы, должно быть, прикрывали артиллерийскую батарею. Я легко нашел места, где некогда стояли пушки. Их даже не пришлось искать. Я просто пришел сюда, выковыривая из земли черепок за черепком. При этом иногда попадались покрытые голубовато-зеленой медной ржавчиной винтовые патроны. Очевидно, батарею пришлось защищать с суши.

Да, батарею отчаянно защищали. Это было видно по воронкам. В одной из них я подобрал осколок снаряда.

Я никогда не покупал сувениров. Как нищий или старьевщик, я почти всегда хожу пешком. Мое богатство — надежда. Всякий раз, идя после шторма по пустынному берегу (а сколько раз я ходил так вот!), я надеюсь, верю, что море выбросит для меня что-нибудь необыкновенное. Я довольствуюсь камнем или раковинкой, я беру их, как векселя, по которым жизнь со мной расплачивается печальными или веселыми историями. А большего мне и не надо.

Я подобрал осколок и решил осмотреть торчавшее из земли на самом краю городища странное сооружение. Вначале мне показалось, что это железобетонный колпак дота, в действительности же то был большой, глубоко уводящий в землю бункер. В верхней части его, по-видимому, когда-то стояло орудие береговой обороны. Сейчас в бетоне торчали ржавые болты, в трещинах поселилась худосочная трава. Массивная стальная дверь, которую можно было задрать изнутри, была искорежена взрывом и открыта.

Горько и светло делается, когда чувствуешь себя одинокой маленькой планетой или, скорее, пулей, которой что-то выстрелил в пространство. Об одиночестве говорят обрывистые берега, пустое, будто только что сотворенное море, готовая разродиться весенними травами степь...

Маленькая планета, орбита которой никем не рассчитана, пылинки мироздания — вот кто ты такой. Разве не смешно, что ты пытаешься осмыслить весь огромный мир? И, однако, этого не отнять у тебя, как не лишить обожженную глину ее цвета.

Но кто сказал, что ты здесь один? На стене бункера написано: «Здесь были туристы из Мелитополя». От каждой буквы вниз уходят потоки краски. Наверное, где-то валяется пустая банка. Ее найти легче, чем клейменую ручку амфоры. Не нужно даже искать.

«Это место посетили студенты ХПИ».

«Эля+Виктор=?»

«Профессор Коловаленно — сволочь».

Надписи были на искореженной взрывом стальной двери, на стенах и потолке, на бетонной площадке и лестнице. Я подирался сквозь них на дно бункера.

Над прилоковой низкой, похожего на дыру входа мелькнуло: «Здесь были мы с Клавой». О, черт! Впереди была темнота.

Я сделал несколько осторожных шагов. Зажег спичку. Артиллерийский погреб. Пусто. Стены выщерблены. Похоже, автоматными очередями.

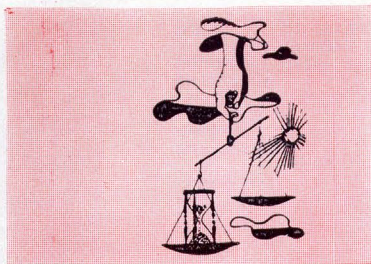
Как быстро сгорают спички! Я подошел к дальней стене. На ней тоже что-то нацарапано. Опять автографы туристов?

Я зажег спичку, наклонился и прочел:

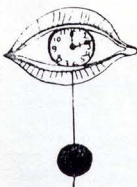
«Здесь убит капитан Шевцов. 1942».

ВРЕМЯ

Чар
Потерянного времени
Полны доли и леса...
Шар
Потерянного времени
Улетел под небеса;
Жар
Потерянного времени
Сохранить не удалось;
Пар
Потерянного времени
Испускает паровоз;
Дом
Потерянного времени
Размышляет о былом;
Том
Потерянного времени
Запылился под стеклом.
Счет
Потерянного времени
Ржаво тикают часы;
Год
Потерянного времени
Лег безмолвно на весы.
Ход
Потерянного времени,
Он — увыл! — необратим.
В плод
Потерянного времени
И в зерно не превратим.
Тих
Потерянного времени
Вздых в бурьянах, в новылях.
Вихрь
Потерянного времени
Зарождается в полях.
Пляс
Потерянного времени
Дик, зловещ. И не угас
Глаз
Потерянного времени,
Не взирающий на нас!

НОВЫЕ СТИХИ

ПРОСТОТА

Ты
От меня
Желаешь простоты
И хочешь ты, чтоб у твоих я ног
Как полевые расцветал цветы,
Чтоб ты из них свила себе венки.
О, мудрая действительность сама
С биеньем механическим в груди,
Речей ты этих лучше не ведай —
Мне кажется, что я сойду с ума!
Но ты любезно говоришь:
Сойди!
Вот именно того я и хочу —
Безумия, священного огня!

Леонид МАРТЫНОВ
Рисунки Б. Алимова

Я брежу
Только тем,
Чем бредить начал,
Когда передо мною замаячил
Рубеж, до коего мне не дойти,
Но все иду по этому пути,
Который я со смехом или плачем,
Но так или иначе обозначил
Давным-давно, пожалуй, лет с пяти.
Я рос
В пределах
Жуткой зимней стужи
И слезных весен. Это был Восток,
Где летний зной был краток,

но жесток,
Вдруг таял снег, пересыхали лужи,
И реки уже делались и уже,
И неотцветший увядал цветок.
Вот почему я знал, что обнаружу
Подземных вод стремительный поток.
И вот он бьет! Я этому помогу!
Но не везде он выведен наружу.
А города,
Возникшие в пустыне!
Они мне снились, знаете, когда?
Еще когда их не было в помине,
Дремля ребенком в зарослях полыни,
Планировал я эти города.
Я чувствовал: тут — уголь, здесь — руда.
А там и нефть взметнет хвосты павлиньи.
Они возникли, эти города,
Но все же не везде и не всегда
Так велики, как грежу я и ныне.
И грезить
Продолжаю что ни день я
И что ни ночь. И все во мне поет,
Что не исчерпаны мои видения,
И все ж от моего воображения
Действительность и ныне отстает.
И лишь тогда
Душа моя заплачет,
Когда все сны исполнятся сполна,
И ничего уж не переиначит
Застывшая в величии страна,
И новый день уже не будет начат,
И, постарев, пойму я: это значит,
Что и себя исчерпал я до дна.

И снова я в ответ тебе кричу:
Ты простоты желаешь от меня!
И этого ты требуешь сейчас,
Когда земли меняется лицо,
И из ноздри последнее кольцо
С улыбкой изымает папуас,
И дьявольски разумные черты
Приобретают облики машин...
Ты от меня желаешь простоты!
И мне на это отвечаешь ты:
— Да!
Только так доходят до вершин!

— Ты хочешь, чтоб была война?

— Нет.

— А зачем ты стал профессиональным военным? Значит, всю жизнь — если жизнь будет соответствовать твоим желаниям — ты будешь сидеть без дела?

— Слава богу, как говорится, если будет так. Но это не ответ. Ответ я сейчас принесу.

Разговор происходил вечером в казарме десантного училища. Впрочем, «вечер» — гражданское слово. По-военному он называется: «личное время». В одном углу казармы делали стенгазеты, в другом — тихо пели.

Курсант порылся в своей тумбочке и достал вырезку из газеты.

— Вот!

На фотографии человек. Вернее, не человек — замордованное существо, с головы до ног запеленутое в пуленепробиваемую одежду, с автоматиче-

ской винтовкой в руках. Ноги широко расставлены — попробуй сбей. Лица нет. Стальное забрало. Подпись: «Сержант американской армии заявил корреспонденту журнала «Лук»: «Выставьте против меня десять коммунистических солдат, и я их убью».

— Это ответ? — спросил Саша. — Безусловно. Мне хотелось узнать: думаешь ли ты об этих вещах?

— Думаю.

— Все мы думаем, — сказал сержант.

Веселые, молодые ребята. Добрые. Но я видел их и других.

...Самолет выбрасывает вперед шпагу белого света и, невидимый в ранней темноте зимнего вечера, пересекает красный шлагбаум узкого заката, стремительно уходит вверх. Через несколько минут курсанты натянут кислородные маски. Их автоматы, пулеметы, безоткатные орудия,

ДЕСАНТНИКА

На седьмой звуковой странице — репортаж из десантной части. Здесь звучат голоса генерала А. Леонтьева, лейтенанта Ю. Беленко (левый нижний снимок), курсанта А. Волкова.

Фото В. Куняева, В. Сакка

радиостанции покроются тонким слоем инея. Лица под тусклыми лампочками бортового освещения — словно бронзовый барельеф в черноте ночи. А под кожей комбинезонов, под мехом десантных курток, на гимнастерках ребят — маленькие красные флажки. И Ленин на флажках. Это и есть «коммунистические солдаты», и я бы не советовал встречаться с ними хвастливому американскому сержанту...

Обычно, когда пишут о героизме десантников, упоминают случаи, когда по тем или иным причинам не раскрывается парашют. На самом деле главные герои как раз те, у кого вовремя раскрывается парашют, кто, едва отстегнув лямки, с хода вступает в «бой», грамотно ведет его и выигрывает.

Но все же стихия есть стихия. И если что случается, то над десантником раскрывается третий, не указанный ни в каких бумагах купол: дружба.

Ю. ВИЗБОР

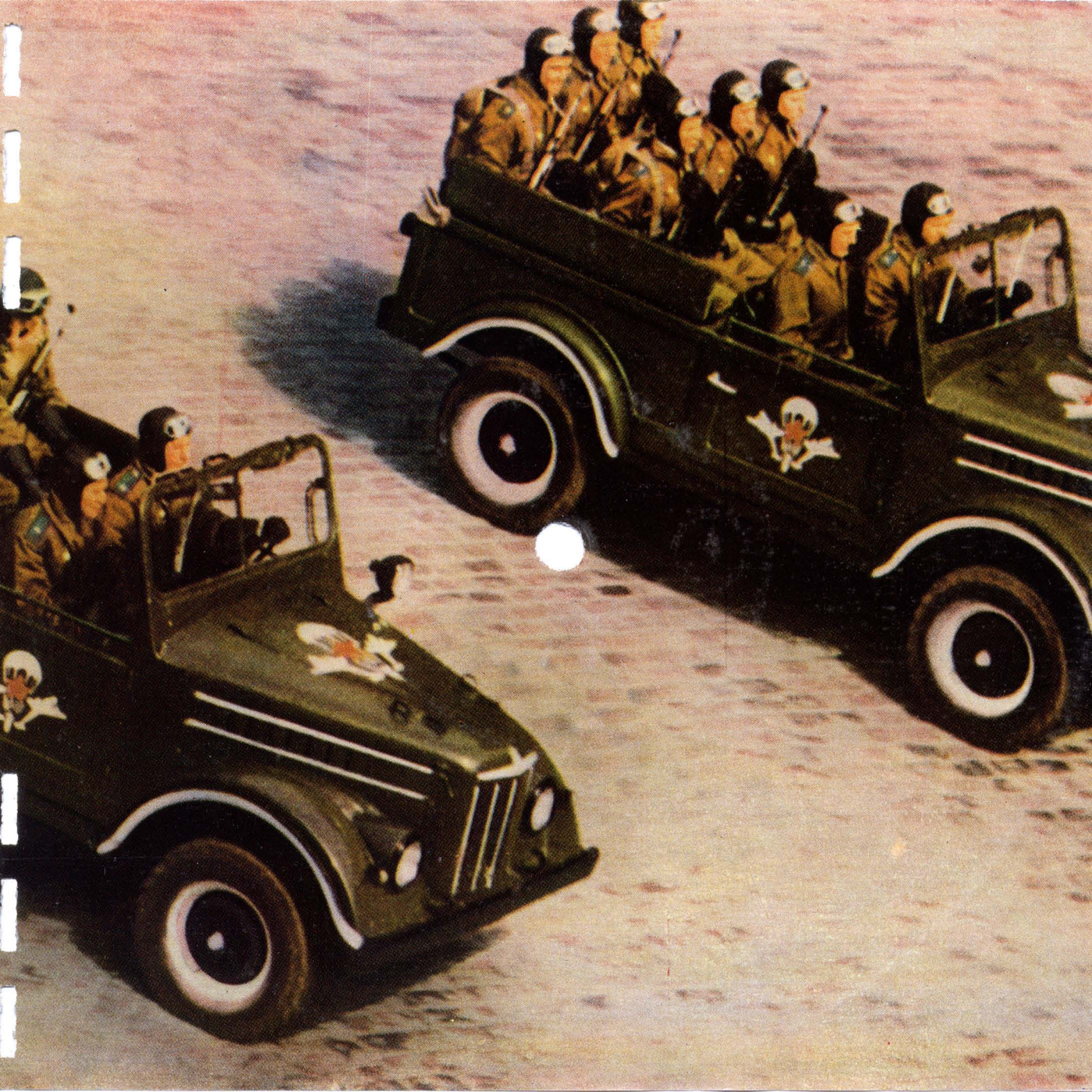

Фото И. Захарова

РЕДАКТОР

С Иваном Максимовичем Никитиным мы работали в газете «Советская Чукотка». Четыре года каждое утро встречались в редакции, что была на косе между морем, небом и тундрой. Я хорошо знал его семью — жену и троих ребят. Они жили в деревянном домишке, тоже на косе, и в снежные бури, когда радио запрещало выходить на улицу, их крыша оказывалась на уровне новых тропинок поселка.

Вечерами в морозную погоду Валерка, Витька и Танька бегали «дергать небо»: северное сияние развешивало свои полотна, и края их, как полы звездного одеяния, неслышно касались печных труб, перекладин с вешалами сушеной рыбы.

Об экзотике с Иваном Максимовичем мы не говорили,

потому что всю эту северную красоту он считал естественной и почти не замечал ее, как, скажем, не замечают деревьев в тайге.

Запомнился он мне дружим.

Есть люди, которых даже их недоброжелатели признают справедливыми. Иван Максимович из таких. Самый спокойный и молчаливый в редакции, всегда, однако, занимал в принципиальных вопросах активную позицию, которая не сулила спокойной жизни и грозила всякого рода осложнениями в разных инстанциях.

Работая бок о бок с Иваном Максимовичем в Анадыре, я только к концу третьего года случайно узнал (не от него), что он всю войну

водил бомбардировщики, несколько раз был сбит, падал в горящем самолете и имеет несколько высоких наград.

Для меня Иван Максимович — пример хладнокровной, естественной смелости.

Однажды ночью мы плыли с ним в лодке. В отлив вода уходит из устья рек в море со скоростью локомотива. У моста лодку понесло на сваи. В этот момент сзади заревел катер, который в темноте шел прямо на нас. Я замалхал веслами. Лодка завертелась. Поток понес ее боком, что было еще хуже. Катер уже в нескольких метрах.

— Брось весла! — крикнул Иван Максимович.

«Какая нелепость!» — только успел подумать я, но послушался, потому что был совершенно растерян. Несколько секунд без дела — весла плыли рядом с бортами. Несколько секунд как бы постороннего созерцания вернули мне уверенность. Я взял весла и вывернул лодку.

Потом Иван Максимович сказал:

— Когда сложно, надо на миг все предоставить случаю, выключиться, и тут же найдешь себя.

Четыре года жили мы в Анадыре, и морские волны во время штормов мыли окна редакции. Потом мы разъехались. Иван Максимович стал редактором районной газеты «Новая жизнь» в Сибири. Какой он теперь? Что прибавили ему последние годы? Что убавили?

И вот мы встретились. Его рассказ во время встречи я записал на магнитофонную пленку. И людей, о которых он говорил, тоже записал.

И. САРКИСЯН

Тюменская область,
село Бердюжье.

ВРЕМЯ • ВСЕЛЕННАЯ • ЧЕЛОВЕК

Михаил МАКАРОВ,
врач (СССР)

1. Ну, на прошлое я оглядываюсь лишь затем, чтобы опереться на уже вымученный моими коллегами опыт. Грядущее? Какой же день выбрать? Пожалуй, тот, когда на земле останется один-единственный доктор, да и тот лишь в детской сказке о веселом Айболите.
2. Сколько вам лет — даже если не учитывать командировочные сутки на Землю? Пятьсот?! Одну минутку, я заполню вашу «историю здоровья». Итак: курят ли там у вас? Руят ли атомные бомбы? Ходят ли по чиновникам? Ну, и так далее.
3. Улыбчивость! Это иногда более действенное средство, чем все антибиотики, шприцы, грелки и тому подобное.

Рудольф РОЛЬС, писатель,
режиссер (ФРГ)

1. Я вновь хотел бы пережить начало тридцатых годов этого века, но уже взрослым человеком. Мне надо было бы попытаться повернуть развитие событий в Германии в другую сторону. Как десятилетний мальчик я не мог тогда правильно оценить эти события, которые оказались роковыми для Германии.
2. Знаете ли вы, что такое война? Я надеюсь, что ответ был бы отрицательным. И человечеству было бы с кого брать пример.
3. Я бы взрастил в каждом человеческом существе столь редкое в наш век растение, имя которому Терпимость. В терпимости, в подлинном, а не в фарисейском уважении к людям — зародыш гуманистического будущего.

«КРУГОЗОР» СПРАШИВАЕТ:

1. Если бы была возможность путешествовать во времени, какую эпоху в прошлом или в будущем Вы бы избрали местом своей остановки и почему!
2. О чем бы Вы спросили первого прибывшего на Землю космического посланца!
3. Если можно было бы дарить ту или иную черту характера, человеческое свойство, что бы Вы хотели подарить человечеству и почему!

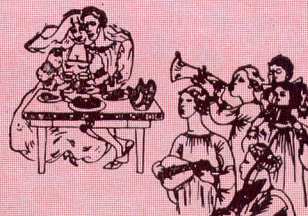
См. «Кругозор» № 6 за 1965 г.

Иржи ТРНКА,
художник
(Чехословакия)

1. Хочу остаться в своем времени: во-первых, потому, что мне любопытно знать, чем обернутся все наши заботы и радости. О прошлых временах я знаю, а вот проблемы будущего мне неизвестны. Во-вторых, у меня есть опыт, умение бороться в наше время. А как бы это я сделал в другую эпоху — не знаю.
2. Я бы, по всей вероятности, спросил, так ли его земляки (со-космичи) нетерпимы к другим, как и многие земляне.
3. Уважение к каждому и ко всем в тройном размере.

Майя БЕРЕЗОВСКАЯ,
художница (Польша)

1. Ренессанс — эпоху самого большого в истории человечества расцвета искусств.

2. Спросила бы: «Так ли у вас чудесно, как на Земле?»

3. Вечную дружбу и любовь.

ВРЕМЯ • ВСЕЛЕННАЯ • ЧЕЛОВЕК

Рафаэль АЛЬБЕРТИ

Матадор

Рисунки Пабло Пикассо.
Из альбома «Быки и торедоры».

Рафаэль Альберти, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» 1965 года, — крупнейший из ныне здравствующих испанских поэтов. Член Компартии Испании, он в годы гражданской войны возглавлял движение антифашистской интеллигенции. Сейчас живет в эмиграции.

Дарование Альберти одинаково сильно в лирике, в драматургии, в сатире. С редким совершенством владеет он стихом.

«Сценические стихи», откуда взято стихотворение «Матадор», — новая книга поэта. Она состоит из монологов и диалогов, предназначенных для исполнения со сцены.

О. САВИЧ

- Я — матадор.
- Я — бык.
- Я пришел убить тебя.
- Попробуй, если можешь.
- Ты храбро вел себя до сих пор.
- Ты тоже. Увидим.
- Ты принесешь мне славу сегодня. Начнем.
- Я сказал: увидим.
- Слышишь молчание цирка?
- Молчание смерти.
- Ты умрешь под аплодисменты и взмахи шалей.
- А как ты думаешь, матадор, мне это нравится?
- Бык умирает, сражаясь. Становись.
- И матадор. Иногда.
- Что ты сказал?
- Что матадор тоже иногда умирает.
- Молчать! Начнем, бык. Не говори со мной.
- Осужденный на смерть имеет право на последнее слово.
- Публика в нетерпении.
- Расстели плащ.

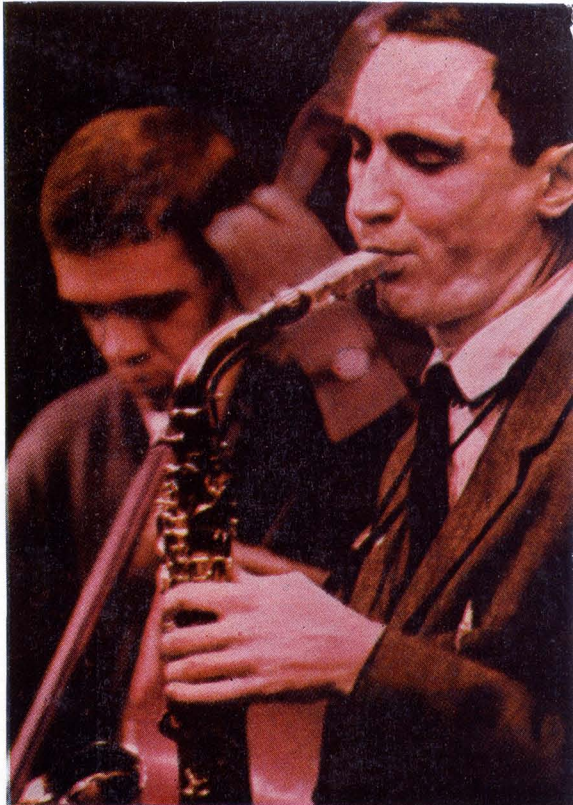
— Эй, бык! Что с тобой? Ты не бросаешься
на меня?
— Одно условие: я хочу музыки. Потребуй
музыки.
— Она уже играет. Ты не слушаешь?
Скорей! Сойди же с места!
— Что это такое? Я этого не знаю.
— Это марш. Мой марш.
— Ты — мой матадор. Как тебя зовут?
— Антонио Лукас, Шорник.
— Мой матадор... А меня зовут
Беззаботный.
— Знаю. Но начнем же! Сюда, бык!
— Знаешь что? Я думаю об одной вещи.
— Говори скорей! Публика уже протестует.
— Если ты будешь сердиться, я замолчу.
Ничего не скажу.
— Публика не хочет ждать. Она кричит,
ревет.
— Что публика понимает! Если она будет
кричать, я не двинусь с места.
— Ты станешь позором всей корриды.
— А мне все равно! Я зовусь Беззаботный.
— Тебя погонят в стойло, как ручного.
Глупая скотина!
— Я ручной? Я, Беззаботный? Хорошо
ты со мной обращаешься!
— Мерзавец! На, получай! Бросайся же
на меня!
— Ты ударил меня лапой? Ну, смотри же!
— Трусливый бык! Бык-предатель!
— Вот ты уже летишь до первого ряда.
Где твоя мулета?
Где твоя шпага?
Ты у моих ног, ты весь согнулся, ты
на коленях.
Ну, матадор, бросайся на меня! Это ты —
бык.
А ну, веселей и по всем правилам
искусства,
как породистое и храброе животное!
Другой марш, президент!
Опусти лоб, не тычься в облака!
Нацепи мне на сердце все твои блестящие,
я хочу быть опоясанным лентами так,
чтобы бык и матадор казались одним
существом.
— Минуту, минуту, Беззаботный!
— Ни минуты больше! Подтянись!
Ты умрешь моей собственной смертью.
Ты почувствуешь, как твоя шпага войдет
в тебя до самой рукоятки.
Ты упадешь на песок, и тебя не ударят
кинжалом.
Быть быком — это не то, что быть
матадором.
Вот настоящая работа! Оле, кричит
публика.
Она врывается на арену. Это — безумие!
Уши,
розовые чулки, гранатовый галстук,
блестящие одежды — все мне в награду!
Тебя тащат по кругу и срывают
с тебя серебряные бубенцы и значки.
Твой залитый кровью труп
дает красный росчерк по песку.
Еще музыки, музыки, музыки!
Я убил лучшего из матадоров!

Перевод с испанского О. Савича.

ФОРМУЛА МЕЛОДИЙ

Фото Л. Лазарева

Их четверо. Пианист Вадим Сакун — аспирант Института химической физики. Ударник Валерий Буланов — студент физического факультета МГУ. Контрабасист Андрей Егоров работает в Институте радиоэлектроники. И саксофонист Алексей Козлов, руководитель квартета, — архитектор.

Наш Институт технической эстетики занимается поисками новых форм, линий, новых конструкций. — рассказывает Алексей Козлов. — Я проектирую интерьеры магазинов, выставок, аэропортов. Часы без стрелок и традиционного круга — циферблата, вместо этого табло с цифрами, которое ежеминутно показывает время: это одна из моих работ. Ну, а музыка, если угодно, — вторая профессия. Заниматься сразу и тем и тем нелегко, но одно помогает другому.

Ансамбль Алексея Козлова играет в импровизационной манере. Это значит, что большая часть музыки создается исполнителями во время игры. Заранее обрабатывается тема и определяется порядок сольных выступлений.

В 1962 году музыканты выступали на Международном фестивале джаза, проходившем в Польше, и получили высокую оценку. Совсем недавно квартет Козлова был удостоен почетного диплома на прослушивании московских молодежных джазовых ансамблей.

Арк. ПЕТРОВ

ТЕАТР «КРУГОЗОР»

РАССКАЗЫВАЕТ НАРОДНЫЙ АРТИСТ СССР Б. Н. ЛИВАНОВ

Выбрать иную, не театральную, профессию мне было бы трудно. Я вырос в актерской семье. Сызмальства любимым занятием была игра в театр. Моя мать, гуляя со мной, часто проходила мимо Художественного театра и, показывая на него, говорила:

— Если станешь артистом, то обязательно таким, чтобы пришли в «художественники».

Правда, я мечтал стать еще и моряком — уж очень нравилась мне морская форма. Позже это желание сбылось: на сцене и в кино я был моряком буквально во всех чинах — от матроса до командующего флотом. И был польщен, когда, «дослужившись» до звания фельдмаршала, получил награду — офицерский кортик.

Во МХАТ я пришел в 1924 году. Пришел гордый тем, что меня приглашают сразу на роль Чацкого. Когда меня принимали, К. С. Станиславский был за границей. После его возвраще-

ния вновь принятых представляли ему. Подошла моя очередь. Константин Сергеевич посмотрел и сказал:

— Вы очень красивый молодой человек.

Я промолчал, но в душе был с ним, конечно, абсолютно согласен. Станиславский усмехнулся и продолжал:

— Знаете что? Подождите с «Горем от ума». У вас получится не Чацкий, а такой герой-любовник в роли Чацкого. Сыграйте сперва что-нибудь острохарактерное.

Не будь этого разговора, артиста из меня бы не вышло. Нет ничего пошлее, когда актер рассчитывает в основном на свои внешние данные. Да и само понятие «характерность» включает в себя отнюдь не умение приклеивать нос из гумоза. Характерность — это прежде всего глубокое проникновение в душевный мир персонажа и органическое воплощение его индивидуальных качеств во внешнем облике.

Все это я понял, разумеется, много позже, сыграв и Чацкого, и Альмавиву, и Ноздрева, Забелина в «Кремлевских курантах», чеховского Астрова. А тогда... Тогда я начал с персонажей, о которых Станиславский мягко сказал, что слово «герои» к ним не очень подходит. Продажный, трусливый журналист Бондezen из пьесы Гамсуна «У врат царства», потом Аполлос из леоновского «Унтиловска» — «земноводная личность», у которой представление о мире не выходит за черту своего городка.

Первая моя большая «положительная» роль — в пьесе А. Афиногенова «Страх»: казах-пастух, ставший научным работником. Звали его Кимбаев. Необходимых в себе данных для этой роли я не находил. И тогда решил найти своего Кимбаева в жизни. В одном из московских институтов познакомился с аспирантом-казахом. Ничего не говорил ему о своих намерениях, а просто решил с ним подружиться. Скоро он стал моим постоянным гостем. Мы разговаривали часами, и я, как говорят антеры, «раздевал его характер».

Свои пристрастия в искусстве я смог бы выразить двумя словами: все сильное — сильные эмоции, сильные человеческие характеры. Поэтому одним из самых любимых моих героев на сцене стал Швандя.

К тому времени, когда МХАТ обратился к пьесе «Любовь Яровая», она уже десять лет шла в Малом театре. Там Швандю замечательно играл Ст. Кузнецов. Конкурировать с ним было невозможно. И я стал думать, как бы сыграть эту роль по-своему. Подумал: а кем бы стал к 1936 году бывший матрос? Наверное, он научился бы грамоте и работал бы директором завода или окончил военную академию. Мне захотелось показать его не просто отважным и удалим «братишкой», а страстным, убежденным борцом за революцию. Но я почувствовал, что слов в пьесе мне для этого не хватает, и пошел к автору...

*Звуковую страницу
подготовил А. Шерель.*

Рисунок В. Шапова
Фото И. Александрова

ПРО МОИХ ГЕРОЕВ

8

Цена 1 руб.

ИЗДАТЕЛЬ: ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР ПО РАДИОВЕЩАНИЮ И ТЕЛЕВИДЕНИЮ

В НОМЕРЕ:

1. Шесть минут в Домском соборе: Государственный латвийский хор, ансамбль скрипачей детской школы, солистка оперы Лайма Андерсон.
2. Музыкальное плавание: «Старый моряк», «Поющая восковая кукла», «Полярное сияние». Исполняют Римантас Сипарис и вокальный ансамбль Литовского радио, Тийю Варик и ансамбль Э. Лаансоо, Калью Терасмаа и оркестр Эстонского радио.
3. Димитров против Геринга. Документальная запись.
4. Когда ты прав...
5. Узбекскую, арабскую и еврейскую народные песни в обработке А. Нестерова исполняет Э. Уразбаева.
6. Сибирские песни.
7. Микрофон в строю десантников.
8. Театр «Кругозор»: народный артист СССР Борис Ливанов.
9. Марлен Дитрих: «Где цветы минувших дней?», «Спроси у ветра».
- 10—11. Наши премьеры. О. Фельцман, И. Шаферан: «Двое». А. Островский, К. Ваншенкин: «Как провожают пароходы». Г. Портнов, Ю. Принцев: «Неужели это мне одной?». А. Бабаджанян, С. Лясов: «Воскресенье». Поют: А. Герман, Э. Хиль, Л. Мондрус, Ж. Татлян.
12. Три импровизации джаз-квартета А. Козлова.

Звуковые страницы изготовлены Всесоюзной студией грамзаписи фирмы «Мелодия» и Государственным Домом радиовещания и звукозаписи.

На первой обложке: Так они видят мир — первоклассники таллинской школы № 46. На четвертой обложке: Трап-кай — древняя столица Литвы. Фото Л. Лазарева.

Оформление Е. Казакова.
Техн. редактор Л. Петрова.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Адрес редакции: Москва, Пятницкая ул., 25.

Телефоны редакции: В 3-74-42; В 3-74-59.

В 03777. Подп. к печати 23/VI 1965 г. Формат бумаги 84×108¹/₁₆. Вум. л. 0,5. Печ. л. 1. Тираж 150 000 экз. Зак. 1561. Цена 1 руб. Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.